

ЖАНРОЛОГИЯ

С.Д. Титаренко¹

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» ВЯЧ. ИВАНОВА И ПРОБЛЕМА КОНТАМИНАЦИИ ТРАДИЦИЙ²

Предложена концепция рассмотрения «Повести о Светомиरे царевиче» Вяч. Иванова как метажанрового образования. Рассматриваются стратегии контаминации традиций средневековых легенд и агиографии. Анализируется сходство сюжетов, мотивов и образов. Выдвигается гипотеза о скрытом источнике – легенде и житии Вячеслава Чешского. Делается предположение, что Вяч. Иванов создает христианский мифологический эпос как экспериментальный аналог религиозной славянской фэнтези.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, «Повесть о Светомире царевиче», метажанр, христианский мифологический эпос, жанровый архетип, мотив стрелы, Грааль, Вячеслав Чешский, фэнтези.

S. D. Titarenko

St. Petersburg State University

THE METAGENRE NATURE OF VYACHESLAV IVANOV'S "TALE OF TSAREVICH SVETOMIR" AND THE PROBLEM OF TRADITIONS BLENDING

¹ Светлана Дмитриевна Титаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: svet_titarenko@mail.ru.

²Статья написана на основе доклада, прочитанного автором в ИМЛИ им. М. Горького РАН 12 сентября 2013 г. на конференции «"Повесть о Светомире царевиче" Вяч. Иванова: проблемы издания и интерпретации».

The article proposes a concept that considers Vyacheslav Ivanov's "Tale of Tsarevich Svetomir" as a metagenre story. Strategies of blending the traditions of medieval legends about Holy Grail and hagiography are considered in the article. Similarities of plots, motives and images are analyzed. The hypothesis is made that the legend about Vyacheslav Czech was a hidden source. It is supposed that Vyacheslav Ivanov created a mythological epos as an experimental analogue of religious Slavic fantasy fiction.

Key words: Vyacheslav Ivanov, "Tale of Tsarevich Svetomir", metagenre, mythological epos, genre archetype, image of an arrow, Holy Grail, Vyacheslav Czech, fantasy fiction.

Сходство объясняется не генезисом одного мотива из другого, а предположением общих мотивов, столь же обязательных для человеческого творчества, как схемы языка для выражения мысли.

А. Веселовский¹

Публикация в серии «Литературные памятники» первого современного научного комментированного издания – «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова (Иванов, 2015) – вызывает необходимость осмысления проблемы жанровой специфики этого незавершенного произведения писателя², задуманного им в 1890-е годы и

¹ Цит. по предисловию А.Н. Веселовского «История или теория романа?» (Веселовский, 1886, с. 4).

² Первая публикация текста «Повести о Светомире царевиче» состоялась в составе брюссельского собрания сочинений, куда вошли главы I-V, созданные Вяч. Ивановым (Иванов, 1971, с. 255-369), а также главы VI-IX, дописанные по «духовному завещанию» после смерти писателя его биографом О.А. Шор (Иванов, 1971, с. 371-512). В современном издании сохраняется только авторский текст, сверенный О.А. Фетисенко по сохранившимся автографам (Иванов, 2015, с. 5-142). Публикуются также черновые наброски, планы и автографы произведения, подготовленные О.Л. Фетисенко. Обстоятельные комментарии выполнены А.Л.

созданного в римский период жизни и творчества в 1928-1949 гг. А.Л. Топорков, анализируя параллели «Повести о Светомире...» с Данте, совершенно справедливо считает, что определить жанр здесь «так же непросто, как и определить жанр “Божественной Комедии”», поэтому можно считать «Повесть о Светомире...» «таким произведением, которое не укладывается в существующую номенклатуру литературных жанров» (Топорков, 2014 с. 519). Действительно, итоговое произведение Вяч. Иванова вбирает в себя многие жанровые архетипы эпоса, на которые указывали исследователи: эпосы, поэмы, летописи, повести, сказания, легенды, рыцарского романа, жития, апокрифа, сказки и является полигенетическим жанровым образованием. Жанровый синкретизм говорит, во-первых, о мифологической природе произведения, во-вторых, о недостаточности современной теории.

И.П. Смирнов в книге «Олитературенное время. (Гипо) теория литературных жанров» считает, что жанр связан с общекультурной и социально-политической историей, в пространстве истории он «антропологизируется» и «оживает» в сфере метафизики мысли, поэтому требует «метапозиционирования» и учета не просто номенклатуры жанров, а «генологии» с точки зрения «олитературенного времени» [Смирнов, 2008]. Задачей Вяч. Иванова стало создание небывалого для XX века мифологического эпоса, в рамках которого он на основе сакрализации христианской, а также западноевропейской и славянской традиции смог бы обобщить генетический опыт «памяти литературы» и который был бы перспективным экспериментом в литературе XX века.

Для определения «Повести о Светомире...» как мифологического эпоса XX века и метажанрового явления важна исследованная Н.Д. Тамарченко циклическая схема эволюции литературных родов и жанров у Вяч. Иванова, в отличие от теории исторической поэтики Веселовского. Рассматривая теорию эпоса Иванова в его работах о Достоевском,

Топорковым. Летопись жизни и творчества Вяч. Иванова впервые составлена А.Б. Шишкиным.

Тамарченко указывает на важность для теоретика символизма идеи нового слияния (синтеза) возрожденных жанров и отсюда – движение к новому возрожденному эпосу [Тамарченко, 2007]. Как известно, существенные признаки эпоса – невыделенность (наиндивидуальность) личности сказителя, условность времени действия героя и установка на мифологическое предание. В «Повести о Светомире...» создается мифологизированный и условный образ средневекового славянского мира, рассказ ведется от безличного «старца-инока», мировое время вытесняет время реальной истории, используются повторяющиеся предания, например, о поражении змея, о золотой стреле и другие.

Среди научных гипотез о «генеологии» произведения большой интерес представляют следующие. Во-первых, мифотворческая, отсылающая к определению неомифологического текста и теологической утопии [Венцлова, 1997]. Во-вторых, фольклорно-мифологическая с опорой на древнерусскую книжную и библейско-евангельскую традиции [Топорков, 2012]. В третьих, традиция христианских легенд и житий святых о Георгии Победоносце [Топорков, 2012], о св. Серафиме Саровском [Доценко, 1996], о св. Христофоре [Сегал (Рудник), 2002], об св. Савве [Тахо-Годи, 2015]. Житийные параллели можно продолжить.

Наша задача – рассмотреть малоизученный замысел «романа о стреле» Вяч. Иванова и установить типологическое сходство между его произведением и средневековыми романами и христианскими легендами¹.

¹ Некоторые образы средневекового артуровского цикла повествований о Св. Граале рассматривались в «Повести о Светомире...» в связи с их возрождением у Р. Вагнера и отдельными переключками [Венцлова, 1997, с. 123; Магомедова, 2015, с. 233], некоторые совпадения отмечены Е.А. Тахо-Годи в связи с источниками образа царевича Светомира [Тахо-Годи, 2015, с. 37]. Влияние Вагнера на образную систему «Повести о Светомире...», рассмотренное Д.М. Магомедовой, могло наложиться у Вяч. Иванова на сюжеты и мотивы произведений артуровского цикла. Например, эпизод с положенным между Тристаном и Изольдой мечом (Гориславой и Владарем в «Повести о Светомире...») мог быть известен Иванову и его современникам по переводу Ж. Бедье (1900) и А.Н. Веселовского. В переводе Веселовского см.: [Бедье, 1903, с. 54-55]. Издание книги Ж. Бедье на французском языке есть в библиотеке Римского архива Вяч. Иванова [Bédier, 1929].

В ряду христианских легенд, как нам представляется, нужно рассмотреть легенду и житие Вячеслава (Вацлава) Чешского как один из возможных скрытых источников произведения, который в творческом сознании поэта ассоциировался с темой хранителя Грааля на основе принципа контаминации.

Мы опираемся на идею метажанра как сложившегося в культуре определенной эпохи пространственно-временного типа завершения художественного произведения [Бурлина, 1987] и как способа смыслообразования и формообразования в рамках определенного метатекста культуры, в случае Вяч. Иванова – христианского.

Безусловно, жанровая специфика «Повести о Светомире царевиче» обусловлена временем осуществления, когда возникла идея создать произведение, в котором металитературность и многожанровость становятся репрезентацией религиозно-философских и художественных идей. Для Вяч. Иванова как писателя-мыслителя важно было не только написать произведение в традицию, но и преобразовать ее и противопоставить реальному времени, то есть перевести произведение в вечное время и «олитературить», структурировав эпические традиции в единый мифологический религиозно-философский текст, основанный на сходстве сюжетов и мотивов¹.

Недостаточность жанровой теории в аспекте понимания складывающегося повествования о Светомире осознавали и Вяч. Иванов, и О.А. Шор. Известно, что они в своих переписках называли «Повесть о Светомире...» шутивным словом «Ахиня» [Иванов, 2001, с. 353, 364, 373-375]. Шуточное название не было случайным, а являлось желанием, используя слова Шор из ее письма к Иванову, ответить «вселенским

¹ Показателен и ранний, сделанный в 1894 году, набросок замысла, обозначенный как «Комедия о великих мужах Владаре и Боривое и о сыне Воладаревом Светомире», в котором есть слова «синтез западных и восточных представлений» [Иванов, 2015, с. 157]. О синтезе западных и восточных «бродячих сюжетов» Вяч. Иванов писал сыну и дочери 26 декабря 1926 года из Рима, объясняя, что «бродячие сюжеты заключают в себе элементы древнейшего религиозного мифа» [Иванов, 2008, с. 506].

католичеством на советский интернационал» (14 февраля 1928) [Иванов, 2001, с. 287]. «Советский интернационал» – это моделирование идеологических метатекстовых повествований с едиными сюжетами испытания и становления героев и вождей, на что указывали исследователи советской литературы [Добренко, 1993; Поддубнова, 2005]. Создавалась новая советская мифология. Всему этому Иванов хотел противопоставить христианскую традицию, показав ее преломление в моделируемом им мире средневековья, в славянской истории и культуре. Открытие горизонтов славянского мира, говоря словами Вяч. Иванова, – «del mondo slavo», было его основной задачей, которую он ставил в лекциях, прочитанных в январе 1927 года в Павии. Описывая содержание одной из лекций, он пишет, что «темы 1-ой лекции не исчерпал; до характеристики народной души не добрался, потратив много времени на введение о религ<иозной> мысли вообще, о соединении церкви и необходимости для Запад<ной> Церкви многому учиться у Востока, о большевистской попытке дехристианизации народа» [Иванов, 2008, с. 518].

На жанровую традицию средневековой рыцарской и агиографической литературы указал сам Вяч. Иванов. Так, в письме к Б. фон Гейзелеру от 10 июня 1930 года он отмечал:

До последнего времени я не писал художественной прозы. Однако полтора года назад я затеял большое поэтическое произведение в прозе, которое должно состоять по меньшей мере из 9 книг (*libros*) – каждая по 60-70 страниц – из коих сейчас готова лишь первая. Но поскольку этот фрагмент сам по себе закончен (это, собственно, рассказ о том, как отец моего героя достиг высшей власти в некоей сказочной стране, символически изображающей Россию), то я мог бы, пожалуй, решиться опубликовать его в достойном немецком переводе в качестве образца как по форме, так и по содержанию абсолютно нового, стилизованного под средневековые романы-легенды и жития святых...» [Поджи, 2008, с. 692-693].

Установка создать «абсолютно новое» произведение говорит о стремлении писателя соединить воедино средневековые романы-легенды и «генологию» агиолитературы в некоем метатекстовом единстве. «Каждый из жанров имеет мифологический архетип, лежащий в его

основании... Так, обращение к жанру ассоциативно тянет мифы; миф бессознательно присутствует в поэтическом произведении», считают исследователи мифопоэтики [Козубовская, 2006, с. 5]. Жанровая динамика в прозе XX века во многом связана с мифопоэтикой, как показали работы В.В. Полонского [Полонский, 2008].

Сюжет «о дереве и змее» Вяч. Иванов относил к «бродячим», укорененным в мифологических религиозных представлениях древности [Иванов, 2008, с. 507]. Веселовский в «Поэтике сюжетов» отметил, что «схема» этого мифа предшествует его «мифологическому приложению» как «образу небесного змееборца» [Веселовский, 2006, с. 543-544]. Религиозный миф становится центральным для формирования христианского метатекста и метажанра. Моделируемый христианский метатекст основан на идее царства агиократии или власти святых праведников и житийно-сказочного героя – Светомира как типа общеславянского героя-спасителя христианского царства. Агиографическая традиция в произведении Вяч. Иванова связана с избранными героями династической легенды (Владарем, Отрадой, Светомиром), а также пресвитером Иоанном, Параскевой, старцами-подвижниками. Основой мифологического сюжета является получение магического средства – золотой стрелы Георгия Победоносца.

Обладание сакральным средством и путь к его достижению является жанровым архетипом европейского христианского эпоса – артуровского цикла произведений. В своих воспоминаниях биограф Вяч. Иванова О.А. Шор пишет о замысле «поэмы» о «стреле»: «В.И. все пытался сообщить что-то точное о мучившей его, не могущей родиться «поэме». Он знал уже: золотая стрела; она носит и кормит; имеет всякую власть; она в руках Светомира; готова служить; он не умеет, не смеет ей приказывать; уходит в монастырь; стрелу свою прячет в расщелину дуба. О дубе этом еще раньше были написаны стихи – добавочные строки к песне царевича на “острой горе”» [Иванов, 1971, с. 221]¹. Важно

¹ Черновой набросок Вяч. Иванова говорит о замысле, связанном с «золотой стрелой» и «царством Святограда»: «Светомир-виноградарь – поет о Горе – топчет виноград – играет со Стрелой – убегает на вершину». После

совпадение начала создания «Повести о Светомире...» 28 сентября 1928 года с датой чествования на западе святого Вячеслава Чешского, по имени которого Иванов был назван, которого почитал и считал своим ангелом-хранителем. «В совпадении дня рождения первых слов “Повести о Светомире” с днем св. Вячеслава он видел доброе предзнаменование», – писала Шор [Иванов, 1971, с. 221-222].

Интересен фрагмент письма Иванова к С. Баура от 1 октября 1946 г., где, в ответ на присланную ему книгу Баура «От Вергилия – к Мильтону» [From Virgil to Milton], 1945], он писал: «Ваши исследования представляют для меня сейчас особый интерес, – так как я спешу закончить длинную повесть в средневековом стиле, похожую, может быть, по намерению на “Артуриаду” Мильтона – житие мощного царя и его святого сына, рассказанное набожным монахом на языке древних русских хроник и легенд»¹. Поясняя признание Иванова, П. Дэвидсон пишет, что сравнение «Повести о Светомире...» с артуриадой Мильтона очень важно, потому что Мильтон «задумал “Артуриаду” как эпическую поэму об историческом пути английской нации. Действие ее должно было происходить в древние мифические времена короля Артура и, посредством пророчеств, вставленных в текст, бросить свет на грядущие события...» [Дэвидсон, 2003, с.141]. Действительно, замысел «Артуриады» как героического повествования о том, что Артур смог обеспечить победу христианства над язычеством, существовал у Мильтона, но изменился во время работы под влиянием политической ситуации.

Рассматривая универсализм артуровского цикла и кельтский прасюжет, А.Д. Михайлов отмечает, что «в их эволюции отразился путь от мифологии к литературе (через фольклор) и дальнейшая трансформация последней» [Михайлов, 2006, с. 15]. Артурианский текст

описания встречи со святыми старцами и определения роли посланничества Светомира, в черновом наброске указано, что он «вынимает из дупла кипарисного лук и золотую стрелу», «чудотворную и живительную силу чрез смерть, ею износимую, имеет стрела», но Светомир не хочет с помощью стрелы «доставить ею себе царства» [Иванов, 2015, с. 159]. Видимо, речь идет не о земном «царстве».

¹Цит. по: [Дэвидсон, 2003, с.146].

кодируется в повествовании Вяч. Иванова как скрытый метатекст, но выявляется в части, дописанной О.А. Шор, в книге восьмой, где Светомир размышляет о таинстве стрелы. В ответ на это является ему рыцарь Галаад (Галахад), рассказывающий о сакральности Святого Грааля [Иванов, 1971, с. 459]. Вяч. Иванов не пересказывает сюжеты артуровских легенд, как О.А. Шор, а использует символические приемы кодирования образов и мотивов, свойственные его авторским стратегиям писателя-символиста.

«Роман о стреле», задуманный Вяч. Ивановым как дань европейской традиции, моделируется им на основе многообразных составляющих славянского фольклора, мифологии, основывается на идее христианизации славян, конфликте двоеверия. Стрела Светомира фигурирует в переписке Иванова с О.А. Шор. В открытке Иванову от 29 августа 1930 года она писала: «К тому же Светомир всю биографию свою (неожиданную), рассказал <...> до самого момента получения стрелы» [Иванов, 2001, с. 419]. Первоначальный сюжет о стреле дополняется множественными сходными вариативными мотивами и сюжетами. Изучая источники легенд о Граале, Веселовский считал, что «в этом эпосе есть и сторона идиллической утопии, выразившаяся в своеобразной литературной форме: верили, что в конце дней, после веков страданий и падений, наступит тысячелетие покоя; надежда подсказала его осуществление в баснословном царстве пресвитера Иоанна, где царят любовь и правда и светская и духовная власть покоятся в одних руках. Но ведь и в романах о Граале его блюстители являются с тем же значением мирских и духовных владык. Эти памятники одновременны, они могли ответить ожиданиям известной партии, стремившейся из борьбы папской и имперской власти к умиротворению общественных и религиозных отношений...» [Веселовский, 1896, с. 48]. Отсылкой к вседержавному монаху Иоанну, как известно, заканчивается знаменитый «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха как легендарное повествование о поиске Грааля XIII века.

Работы Веселовского о «встречных течениях» и контаминации сюжетов о Граале и сюжетов и мотивов славянских повестей, легенд, апокрифических текстов появляются в конце XIX века. Например, его исследование «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и Западные

легенды о Морольфе и Мерлине», где говорится о синтезе западных и восточных сюжетов, было опубликовано в 1872 году, книга «К вопросу об источнике легенды о Святом Граале» – в 1894 году, она переиздавалась в 1900-м году. Были известны книги Н.Т. Дашкевича: «Сказания о Св. Граале» (Киев, 1877), «Литература Св. Грааля за последние годы» (1876-1888) (Киев, 1888), «Романтика Круглого Стола в литературе и жизни Запада. Историко-литературные очерки» (Москва, 1890). Вяч. Иванов мог быть знаком с этими источниками. Кроме того, в списке его книг значится издание «Западно-европейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах» О. Петерсон и Е. Балобановой (Санкт-Петербург, 1896) [Обатнин, 2002, с. 304], которое дает свод важнейших текстов европейского эпоса.

Универсальные мифологические сюжеты были в центре внимания Вяч. Иванова. «В основе всякого эпоса – мифотворчество, – писал он в черновом конспекте по поэтике. <...> В эпосе важны вопросы коллективного творчества.. <...> Эпос из развития лиро-эпической кантилены, поиски в них события или героя. Сходство – основа мифов у разных народов (сказание о призвании князей встретиться в Англии)» [Иванов, 1910]. Здесь указывается на теорию подобий сюжетов в эпосе, близкую А.Н. Веселовскому, и на важнейший для артурианского цикла мотив призвания как отправной для поиска божественного царя-освободителя и сакрального средства.

Тема Грааля привлекала многих современников Вяч. Иванова и прежде всего Р. Штайнера, считавшего Круглый Стол короля Артура первой мистериальной школой Европы, а музыку Вагнера способом ясновидения параллельных миров [Штайнер, 2009]. Об утрате Грааля как смысла духовного посвящения и «духовного полюса» в связи с поисками царства «Царя царей» много писал Р. Генон, указывая на связь кельтской и христианской традиции. Он считал эту традицию утерянной в современной Европе [Генон, 2004, с. 270-281]¹. Высший смысл священных символов Грааля в эзотерической традиции Европы

¹ Книги Р. Генона имеются в библиотеке Римского архива Вяч. Иванова. Укажем только на важнейшую для нашей темы: «Символика креста» (1931) [Guénon, 1931].

связывали, как считает Ю. Эвола, с представлениями об империи пресвитера Иоанна и короля Артура. В их образах, по его мысли, воплощена идея призвания и «собирания» верных из всех стран. Англия, по его мысли, изображалась как «обетованная земля», но это некий символический центр, так как сказание о Граале – это не просто «христианская легенда» или «языческий кельтский фольклор», а «нордическая мистерия», основанная на гиперборейских истоках как изначальном центре [Эвола, 2009, с. 81-83]. По мысли Ю. Эволы, высказанной в статье «Мистерия Грааля и имперская идея», мистериальная природа повествований о Граале основана на идее символической империи, «которую нужно восстановить» и наличии героя, который путем неземного совершенства сможет это сделать [Эвола, 2009, с. 85-86]. Индия пресвитера Иоанна, по его словам, – это символ утраты и мечта о воплощении Грааля, особенно это актуально в «темные времена» Европы, марширующей «под знаком свастики» [Эвола, 2009, с. 89-90]¹.

Популярность легенды о Граале и возрастающий интерес к ней объяснил А.Н. Веселовский. «Легенда о св. Граале вызвала целую литературу, которая растет с каждым годом, вызывая все новые вопросы...», – писал он. Причины этого, по его мнению, две: «уэльская сказочная тема, к которой применились мотивы и имена христианских сказаний» и «развитие христианского апокрифа, обставившегося фантастическими подробностями народной уэльской саги» [Веселовский, 1900, с. 1-2]. В своей работе он опирается на идею «расширения» и «прирастания», обозначившую христианизацию Британии, в результате

¹ Статья Ю. Эволы была опубликована на немецком языке в 1939 году [Geist der Zeit, № 3]. Эвола считал средневековую культуру царством духа, в отличие от современной и сожалел об уходе в прошлое цивилизации бытия, основанной на приверженности надвременным принципам [Эвола, 2009]. Книга Ю. Эволы «Теория абсолютного индивидуума» [«Teoria dell'Individuo Assoluto», 1927] содержится в Римском архиве Вяч. Иванова с дарственной надписью Ю. Эволы [Evola, 1927]. Ю. Эвола был известен современникам и как автор книги «Мистерия Грааля» [«Il mistero del Graal», 1937].

чего литературе о Граале «предстояла другая литературная эволюция: ее религиозное содержание, затемняясь посторонней фантастикой, выходя на пути мистицизма <...>, заменилось моментами предопределения свыше, искания и тревожного подвижничества мысли, жаждающей просветления св. Граалем» [Веселовский, 1900, с. 58].

Артуровский эпос возрождается в разные эпохи развития литературы и часто основой его обновления является создание династической легенды о правителе-христианине, что было важно для историко-политического контекста страны и возрождения нации [Михайлов, 2005]. Сюжет о «возвращающемся императоре», выступающем в роли освободителя и завершителя истории, анализирует А.Н. Веселовский в своей работе «Опыты по истории развития христианской легенды». Эта, по его мнению, легенда «прошла через все Средние века, обновляясь с новой силой в минуты народных невзгод», она «встречается у персов и в Перу, у сербов (О Марке Кралевиче), и кельтов (Артур)...» [Веселовский, 1875а, с. 284].

Согласно исследованиям современников Вяч. Иванова, в легендах о Св. Граале заложен комплекс архетипических религиозных мотивов инициации и трансформации, разработанных в кельтской мифологии, мистической традиции средневековой Европы и в христианской культуре. В своей работе об Иохиме Флорском, которая находится в Римской библиотеке Вяч. Иванова, Е.В. Аничков анализирует легенды о Св. Граале и устанавливает сходство между ними и учением Иохима Флорского, а также идеями манихейцев и катаров [Anitchkof, 1931]. Они стали ядром европейского транснационального мифа, для которого характерно существование параллельного магического мира наряду с реальным, фантастические существа-помощники и герои, движимые сознанием своего особого предназначения, а также сюжеты, основанные на борьбе Добра и Зла, поиске Иного мира или Царства и священные средства – меч, стрела, копьё, камень и др. «Дважды переработанная, она только в третий раз была приурочена к кельтской местности и кельтской истории», – пишет Веселовский о легенде о Граале, указывая, что это сказание «собственно церковное, эпическое продолжение апокрифов Нового Завета» [Веселовский, 2001, с. 41].

Герой средневекового эпоса, как считают исследователи, однотипен, он известен с рождения и находится в непрерывном становлении, пути и поиске [Михайлов, 1976, с.132]. Постоянными являются сюжеты реального и психологического странствия, оппозиции «мир реальный – мир вымысла», особая «валентность», то есть ассоциативность по отношению к предшествующему тексту, «магическом реализм» как переплетение реалистических и фантастических элементов, кельтские мотивы перехода в иной мир [Михайлов, 1976]. Анализируя циклы сказаний, основанных на поиске Грааля, А.Н. Веселовский указывает на сюжеты и мотивы змеборства, родословного и крестного древа, ковчега-святыни, наказания немощью и слепотой, исцеления от святыни, девственности героя и другие [Веселовский, 2001]. Немаловажным является и мотив змеборства Ланселота как признак избранности рыцаря [Веселовский, 2001, с. 419]. Веселовским также отмечено присутствие в произведениях этого цикла пресветов мотива «царя царей», ассоциирующегося, по его мнению, с пресвитером Иоанном средневекового сказания, получившего распространение в средневековой Руси [Веселовский, 2001, с. 405].

Как и в рыцарских романах о Св. Граале, сверхсюжетом «Повести о Светомире...» становится странствие в поисках священного (копья или стрелы). Мотив обладания сакральным средством – копьем, стрелой, мечом или священной чашей с кровью Христа является магистральным для артуровского эпоса. В тетралогии Вагнера он связан с копьем Вотана как символом власти и ограниченности власти [Магомедова, 2015, с. 288]. Вместе с тем сакрализация копья в легендах о Граале происходит прежде всего за счет влияния христианских легенд, повествующих о пронзенном копьем Лонгина теле Христа, как указывают исследователи [Дашкевич, 1877, с. 39; Дашкевич, 1888, с. 37; Михайлов, 2006, с. 49]. Грааль, по мысли Аверинцева, – это табуированная тайна, являющаяся «прикровенно» достойным, как «и заветный меч царя Давида (библейской традиции), уготованный рыцарю девственнику» [Аверинцев, 2006, с. 155]. Именно таким царевичем-девственником является Светомир.

Образ стрелы понимался самим Вяч. Ивановым, если привлечь традицию, на которую он опирался и на которую указал в эссе «Анима»

(1935), «как святое копьё античной и христианской легенды», которое «и смертельно ранит, и совершенно исцеляет...», «это есть смертельная молнийная стрела любящего поверх противоположности между Творцом и творением, возносящего любимого через врата смерти к высшей жизни» [Иванов, 2009, с. 36-37]. Мотив стрелы как луча небесного – символ Благовещения – используется Ивановым в поэме «Младенчество», как «луч с небес», «из гроба воскресенья» – в стихотворении «Sacrum sepulcrum» из книги «Свет вечерний» [Иванов, 1979, с. 564]¹. Он многозначен в «Повести о Светомире...». «Луч стреловидный» держит в руках Светомир в видениях и пророчествах: «Аще же и погребен из гроба жив восстанет, *силодейственна стрела* Егорьева в деснице его»; «Явно пророчество: рано умрет иноком, и *стрелу* с собою унесет, ангельскою схимою одеян, во град горний» [Иванов, 2015, с. 64-65, с. 68]. Это скрытая от мира непосвященных благодать, о которой Иванов писал в книге «Достоевский. Трагедия-миф-мистика» (1932): «Но святая Русь вышлет своих борцов в гущу Люцифером обладаемой культуры и пронзит ее незримыми лучами тайно действующей Фиваиды» [Иванов, 1987, с. 587].

Важнейший смысл мотива «золотой стрелы» в «Повести о Светомире...» основан на поиске спасения и обретения христианского царства:

«А раздорили из-за урочища малого, где *чудотворную стрелу* Егорий, пред живота кончиною, в сыру землю, мнили, вогнал; и кто, мечтали, ту *стрелу* добудет, всю землю себе под ноги покорит» [Иванов, 2015, с. 10].

«Видела я, как тебя вижу, за его спиной *золоту стрелу* Егорьеву. И ранит *стрела* сия, и целит, и великого жребия знак есть. Ему наш род поднять дано; быть ему вся земли владыкою» [Иванов, 2015, с. 22]

¹ О метафизике «небесного луча» в сакральной европейской традиции писал Р. Генон в книге «Символика креста» как о трансцендентном, невоплощенном и не-индивидуализированном в сознании символе, который «связывает и соединяет все вещи во Вселенной» [Генон, 2004, с. 146].

«И не прежде изыди из страны той, неже *стрелу* свою в недрах ея оставиши: обретет ее некогда избранный, и ею места те и народ свой всем племенам на спасение» [Иванов, 2015, с. 137].

Очевидно, что мотив стрелы связан в «Повести о Светомире...» также с мотивом заклатья, как и в романах артуровского цикла. «Первоначально (и это относится в известной мере и к Кретьену и даже к его продолжателям), – как пишет А.Д. Михайлов, – эти чаша и копьё звали к снятию заклатья с Заколдованного Замка и его обитателей, являясь указанием на освободительную миссию и залогом освобождения. Затем (уже у Робера де Борона, т.е. в самом начале XIII в.) это сменяется темой поисков Святого Грааля (благодати), появляется христианская символика, а вскоре христианская идея начинает подменять собой в Артуриане все другие» [Михайлов, 2006, с. 50].

Религиозной идеей проникнуты произведения агиографической литературы, которые дают жанровый архетип героя-христианина. На ряд исследований традиции агиолитературы в «Повести о Светомире...» мы уже указывали выше¹. Для метажанровой структуры «Повести о Светомире...» важен и такой скрытый источник, как житие Вячеслава Чешского. В своей поэзии Вяч. Иванов связывал подвиг Св. Вячеслава с традицией обретения Причастной Чаши Грааля. В стихотворении сентябрьского цикла из «Римского дневника» герой «Повести о Светомире...» Владарь ассоциируется со Святым Вячеславом (Вацлавом) Чешским, в честь которого Вяч. Иванов был назван, и с его функций христианского князя-освободителя славян как хранитель христианской благодати – чаши Грааля: «Стоит над ними, в небе слав,/ Заклан, земли славянской владарь, / Мой ангел, юный Вячеслав, / Причастной Чаши виноградарь [Иванов, 1979, с. 629]. На это же указано в его стихотворении «Моление Святому Вячеславу»:

¹См. также указание на «Золотую легенду» в круге чтения Вяч. Иванова в 1930-е годы как свод произведений житийной и легендарной средневековой литературы в нашей работе [Титаренко, 2012, с. 610].

Князь чешский, Вячеслав, святой мой покровитель,
Славянской ныне будь соборности зиждитель!
Светильник двух церквей, венцом своим венчай
Свободу Чехии, и с нашей сочetaй!
Как лик твой воссиял на княжеском совете
И ужаснулись все о том чудесном свете,
Так воссияй очам расторгнутых племен
Небесным знаменьем о полноте времен!
Как некогда ты сам у вышеградских башен
Сок гроздий выжимал для литургийных брашен,
Так сопричастникам божественную Кровь
Для общей вечери воскресной уготовь! (Иванов, 1987, с. 55)

В библиотеке Вяч. Иванова в Риме сохранилась работа В. Вейнгарта о святом Вацлаве – Вячеславе Чешском, где исследуются житие и легенда о христианском мученике¹. Она была помещена в сборнике, посвященном тысячелетию культа святого, который повсеместно отмечался в 1930-е годы, то есть параллельно написанию «Повести о Светомире...»².

Написанное Ивановым в 1917 году «Моление Святому Вячеславу», может считаться ключом к истолкованию значения образа

¹ См.: [Weingart, 1934]. М. Вейнгард осуществляет филологический анализ текста, делает комментарий, проводит реконструкцию первоначальных версий христианской легенды о Вячеславе (Вацлаве) Чешском, правителе-христианине, духовная роль которого в становлении христианства в Чехии и славянских странах была чрезвычайно важной.

² Сборник, в первый том которого входит исследование М. Вейнгарта, был приурочен к 1000-летию мученической смерти святого. В нем освещаются различные аспекты исследования культа святого в историко-культурном аспекте. См.: Weingart M. První česko-církevněslovanská legenda o svatém Václavu: Rozbor filologický // Svatovavřlavský sborník na památku 1000 výročí smrti knížete Václava Svatého. I. Kníže Václav Svatý a jeho doba. Praha, 1934. S. 863-972 (реконструкция текста и латинский перевод. С. 973-982). Том первый открывает репродукция картины [М. Aleš. Sv. Václav, 1890. Modern gallery v Praze], изображающей святого с копьём на белом коне. Второй том издания содержит произведения, посвященные свято-вацлавскому культу.

святого для «Повести о Светомире...», так как Вячеслав Чешский – славянской «соборности зиждитель» и предвестник «полноты времен», хранитель Св. Грааля – таинства «божественной Крови» Христовой [Иванов, 1987, с. 55]. Стихотворение было включено в статью Иванова «Духовный лик славянства» (1917). Здесь указано, что «в стране св. Вячеслава, который, по легенде, своими руками возделывал священный виноградник и выжимал гроздия для литургийного Таинства, жажда причащения Крови Христовой знаменует духовное самоопределение целой чешской народности, – между тем как на Руси самобытно развивается в обрядовом предании, в древнейшем искусстве и, наконец, в умозрении – неведомое Византии мистическое почитание Святой Софии, хранится верховный и чистейший алмаз восточно-христианского платонизма...» [Иванов, 1987, с. 671]. Сюжет о виноградарстве князя-мученика был известен в латинских и славянских списках жития Вячеслава Чешского (Никольский, 1909, с. XI). Почитание святого относится к общехристианской, то есть католической и православной традиции, так как в обеих ветвях церкви Вячеслав Чешский почитается с XI века, что было очень важно для Вяч. Иванова. Переход Иванова в католичество был совершен им, по его словам, «по пути» Владимира Соловьева без отречения от православия «в базилике Святого Петра перед алтарем Святого Вячеслава, покровителя моего и всего славянского народа».¹

Житие Вячеслава Чешского может также рассматриваться и как исторический источник, связанный с событиями «Повести о Светомире ...» – переходом от язычества к христианству. Вячеслав Чешский принял мученическую смерть как защитник христианства. Веселовский в своих разысканиях о «возвращающемся императоре» связал легенды о св. Вячеславе с сюжетом «спящего императора», пересказав чешскую легенду об апокалипсических временах, когда в момент наивысшей опасности «король Вячеслав выедет из горы верхом на белом коне со своим войском и победит врагов в великой сече» [Веселовский, 1875б, с. 124]. Для

¹ См. письмо Вяч. Иванова к папе Пию XI от 19 февраля 1938 года в публикации В. Поджи [Поджи, 2008, с. 695-697].

«Повести о Светомире...» характерен принцип введения династической легенды, основанной на принципе генеологического древа, как в Житии Вячеслава Чешского, – от Боривоя. Род Боривоя, как и род Давыда, происходит от «змиева семени» Горыньских и связан с победой над ним святого воина Георгия Победоносца. Имя Боривоя появляется уже в первоначальном наброске «Повести о Светомире...», сделанном Вяч. Ивановым в 1894 году [Иванов, 2015, с. 157], оно является доказательством знания источника – жития Вячеслава Чешского, так как князь Боривой – дед Вячеслава Чешского.

Важны для «Повести о Светомире...» и общеизвестные элементы топики житийного жанра: необычное рождение от праведных родителей (Владарь, Светомир), испытание, прозрение, отречение от плоти, уход от мирского и возможные чудеса Светомира. Владарь (Лазарь) родился от благочестивых родителей, у которых долгое время не было детей, его чудесное рождение было предсказано в сновидении-знамени Василисы. Светомир также рождается от прошедшего испытание Владаря (Лазаря) и беспорочной Отрады (Ефросинии). Многие герои, как и житийные святые, исцеляются священной водой под Егорьевым дубом. Род должен воплощать общечеловеческие ценности, иметь древнюю кровь, быть способным к обновлению за счет христианского пути и испытаний, например, «немощи» Владаря. Легендарный сюжет о пути Светомира облекается в мифологическую форму поиска сакрального. Сакральным средством служит копьё-стрела Георгия-Победоносца. Поэтому сюжет «романа о стреле» обогащается вариативными схемами из христианской литературы.

Модель героя Светомира – христианского аскета у Вяч. Иванова – уникальна. Путь аскезы намечен как священный путь христианского святого, подобно девственному рыцарю Галахаду, который становится единственным представителем христианского мира, способным пройти путь внутреннего прозрения и обрести сакральную стрелу. В артурианском эпосе Грааль понимался как хранение (созидание) целостности духоносной личности, как воплощение в ней тайны жертвоприношения Христа. «Роль символики Грааля, важной для рыцарской культуры средневековья, – писал С.С. Аверинцев, – состояла в том, что она соединяла дух рыцарско-приключенческий, вольную игру фантазии, использующей осколки

полузабытой мифологии, с христианской сакраментальной мистикой» [Аверинцев, 2006, с. 167].

Образ Георгия Победоносца (Егория Храброго), введенный Ивановым в «Повесть о Светомире...» дал возможность открыть горизонты славянского мира, как и многообразно использованные писателем источники славянского фольклора, мифологии и древнеславянской книжности. В артурианском эпосе сюжет змеборства связан с волшебником Мерлином, который также, как Егорий Храбрый (Георгий Победоносец) является «водителем» и «помощником» короля Артура. Артур-сын Утера Пендрагона (Uter Pendragon – «Uter caput draconis») родился при помощи волшебника Мерлина [Кирпичников, 1869, с. 102]. Мерлин многолик, сюжеты его рождения многообразны, один из них – появление от змея-дракона и чистой девы. «Прамирф» о борьбе со змеем в «Повести о Светомире...» определяет все перипетии инициации, является символическим воплощением христианской легенды о поражении змея-дракона. В эту борьбу включен мир природы и христианские сакрализованные образы (креста, стрелы-копья, крестного древа, святого источника – «студенца» и др.).

Особенно важна для подтверждения этой идеи проанализированная А.А. Панченко теория фольклорной легенды, развиваемая в трудах А.Н. Веселовского, посвященных массовой религиозной словесности Средневековья. Ссылаясь на современные исследования, Панченко предлагает различать «материнский» рассказ, в котором содержится основное представление или «объяснительный сюжет», и «динамические “дочерние” рассказы», имеющие эзотерический характер [Панченко, 2013]. В связи с этим подходом, намеченным еще Веселовским, метажанр может пониматься как динамическая группа текстов. Имеются в виду, обозначенные А.А. Панченко «разнообразные тексты, воспроизводящие и/или интерпретирующие тот или иной сюжет, представление и т.п.» как «механизм трансмиссии содержания» [Панченко, 2013, с. 8].

Примечательно, что композиция «Повести о Светомире...» основана на создании параллельных миров (мира реального и мира мистических явлений и сущностей), и «внутренняя форма» произведения определяется способами воображаемого, фантастического, мистического

и магического превращения и действия, а также использования чудесного средства. Фантастическое соотнесено либо с мифом, как в сказке, либо с чудом, как в житиях, либо с магией, как в рыцарских романах, поэтому «Повесть о Светомире...» близка экспериментальным формам эпоса XX века, например, славянской или христианской фэнтези. Истоки фэнтези связывают с мифологическими или полуфантастическими текстами древности и прежде всего с произведениями Гомера, чрезвычайно важными для становления Иванова – мыслителя и художника, автора работы «Эпос Гомера» (1912). Повествования артуровского цикла считают протоформой фэнтези XX века.

Граница параллельных миров в «Повести о Светомире...» обозначена многочисленными пограничными сновидческими состояниями, вещими снами и явлениями умерших, мистическими видениями загробного мира и пробуждениями, мистериальными состояниями перехода в иной мир, грезами, дремами и их истолкованиями, как показали специальные исследования А.Л. Топоркова [Топорков, 2015]. Символические видения и знамения в виде параллельного мира иконных образов также очень значимы, они уже были рассмотрены в нашем исследовании [Титаренко, 2010].

Таким образом, «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова характеризуется формированием мифологического метасюжета о девственном царевиче-избраннике – получателе и хранителе священного средства. Произведение интересно с точки зрения формирования оригинальной версии религиозной славянской фэнтези на основе христианской модели мира. Но это не аналог того явления, которое представлено в современной массовой русской литературе [Королев, 2013], а его экспериментальный вариант-протофэнтези. Метажанровая природа произведения обусловлена характерным для Вяч. Иванова стремлением к воссозданию и синтезу жанровых схем средневекового эпоса и вкраплению контаминированных сюжетов и мотивов в целях создания мифологического христианского эпоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. Грааль / С. С. Аверинцев // Аверинцев С. С. София-Логос. – Киев, 2006. – С. 165-167.

Бедье, Ж. Тристан и Изольда / Ж. Бедье; пер. с франц. А. Н. Веселовского; под ред. и с введением А. Н. Веселовского. – Санкт-Петербург: А. Ильин, 1903. – 124 с.

Бурлина, Е. Я. Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза / Е. Я. Бурлина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 165 с.

Веселовский, А. Н.а Опыты по истории развития христианской легенды / А. Н. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1875. – Т. 4 (апрель). – С. 283-331.

Веселовский, А. Н.б Опыты по истории развития христианской легенды / А. Н. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1875. – Т. 5 (май). – С. 48-130.

Веселовский, А. Н. История или теория романа? // А. Н. Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1. Греко-византийский период. – Санкт-Петербург, 1886. – С. 1-27.

Веселовский, А. Н. Сказания о Вавилоне, скинии и Св. Граале / А. Н. Веселовский. – Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1896. – 52 с.

Веселовский, А. Н. Где сложилась легенда о Св. Граале / А. Н. Веселовский. – Санкт-Петербург, 1900. – 58 с.

Веселовский, А. Н. В поисках Грааля / А. Н. Веселовский // Веселовский А. Н. Мерлин и Соломон: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 381-442.

Веселовский, А. Н. Избранное: Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 543-544.

Венцлова, Т. О мифотворчестве Вяч. Иванова. Повесть о Светомире царевиче / Т. Венцлова // Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. – Vilnius: Baltos lankos, 1997. – С. 117-140.

Генон, Р. Символика креста / Р. Генон; пер. с франц. Т. М. Фадеевой и Ю. Н. Стефановой. – Москва: Прогресс-Традиция, 2004. – 704 с.

Дашкевич, Н. Из истории средневекового романтизма. Сказание о Св. Граале / Н. П. Дашкевич. – Киев: Университетская тип., 1877. – 216 с.

Дашкевич, Н. П. Литература Св. Грааля за последние годы / Н. П. Дашкевич. – Киев: Типография св. Владимира, 1888. – 75 с.

Добренко, Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Е. Добренко. – Мюнхен: Sagner, 1993. – 405 с.

Доценко, С. Н. Легенда о Серафиме Саровском в творчестве Вяч. Иванова / С. Н. Доценко // *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae.* – Budapest, 1996. – Т. 41. – С. 97-109.

Дэвидсон, П. «The good humanistic tradition»: Диалог о мировой культуре между Вяч. Ивановым и С. М. Баура / П. Дэвидсон // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: материалы междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2002 г. – Томск; Москва: Водолей Publishers, 2003. – С. 134-148.

Иванов, Вяч. Данте, Петрарка и Боккаччо (1910) / Вяч. Иванов // Отдел Рукописей РГБ. – Ф. 109. – Оп. 5. – Ед. хр. 12. – Л. 8 об. – Л. 9.

Иванов, Вяч. Собр. соч. / Вяч. Иванов; под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. – 872 с.

Иванов, Вяч. Собр. соч. / Вяч. Иванов; под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. – 896 с.

Иванов, Вяч. Собр. соч. / Вяч. Иванов; под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. – 800 с.

Иванов, Вяч. Переписка с О. А. Шор / Вяч. Иванов; О. А. Шор // *Archivio italo-russo III: Vjačeslav Ivanov – Testi Inediti.* Русско-итальянский архив III: Вячеслав Иванов – новые материалы / сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. – Salerno, 2001. – С. 151-456.

Иванов, Вяч. Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925-1941) / Вяч. Иванов // *Символ.* – 2008. – № 53-54. – С. 460-627.

Иванов, Вяч. *Anima* / Вяч. Иванов; пер. с нем. С. Л. Франка; подг. текста, предисл., примеч. и исслед. С. Д. Титаренко; послесловие К. Г. Исупова. – Санкт-Петербург: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 142 с.

Иванов, Вяч. Повесть о Светомире царевиче / Вяч. Иванов; изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. – Москва: Ладомир: Наука, 2015 (Литературные памятники). – 824 с.

Кирпичников, А. И. Очерки из истории средневековой литературы / А. И. Кирпичников. – Москва: Тип. Грачева и К., 1869. – 279 с.

Козубовская, Г. П. Русская литература: миф и мифопоэтика / Г. П. Козубовская. – Барнаул: БГПУ, 2006. – 324 с.

Королев, К. М. [Жанр фэнтези в России: предыстория и метасюжет](#) / К. М. Королев // *Русская литература.* – 2013. – № 2. – С. 243-258.

Магомедова, Д. М. Вагнеровский слой в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова / Д. М. Магомедова // Иванов, Вяч. Повесть о Светомире царевиче / изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. – Москва: Ладомир: Наука, 2015 (Литературные памятники). – С. 233-254.

Михайлов, А. Д. Артуровские легенды и их эволюция / А. Д. Михайлов // Мэлори Т. Смерть Артура. – Москва: Наука, 2005. – С. 793-828.

Михайлов, А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе / А. Д. Михайлов. – Москва: Наука, 1976. – 351 с.

Михайлов, А. Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы / А. Д. Михайлов. – Москва: Языки славянской культуры, 2006. – 264 с.

Никольский, Н. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о Св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении / Н. Никольский. – Санкт-Петербург: Об-во любителей древней письменности, 1909. – 99 с.

Обатнин, Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова/ Г. В. Обатнин //Материалы VIII Международной конференции «Вячеслав Иванов между Святым Писанием и поэзией» (Eugora Orientalis. – 2002: 2. – V. XXI). – С. 261-343.

Панченко, А. А. А.Н. Веселовский и теория фольклорной легенды /А. А. Панченко // Русская литература. – 2013. – №1. – С. 3-20.

Полонский, В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX-начала XX века / В.В. Полонский. – Москва: Наука, 2008. – 285 с.

Поджи, В. Иванов в Риме / В. Поджи // Символ. – 2008. – № 53-54. – С. 692-693.

Подлубнова, Ю. С. Метажанры в русской литературе 1920 - начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и европейская сказка-аллегория/ Ю. С. Подлубнова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 25 с.

Сегал, (Рудник) Н. Образ св. Христофора и его значение в творчестве Вяч. Иванова / Н. Сегал (Рудник) // Eugora Orientalis. – 2002. – Vol. XXI (1). – Salerno, 2002. – P. 303-320.

Смирнов, И. П. Олитературенное время. (Гипо) теория литературных жанров / И. П. Смирнов. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2008. – 264 с.

Тамарченко, Н. Д. М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский и Вяч. И. Иванов: теория романа и его историческая поэтика / Н. Д. Тамарченко // Новый филологический вестник. – 2007. – № 2. – С. 34-48.

Тахо-Годи, Е. А. Образ царевича Светомира и его мифологические, агиографические, фольклорные и поэтические претексты / Е. А. Тахо-Годи // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – Т. 74. – № 4. – С. 35-46.

Титаренко, С. Д. Иконология «Повести о Светомире царевиче» (О связи мифологии и христианской религии в творчестве Вячеслава Иванова) / С. Д. Титаренко // Христианство и русская литература. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – Вып. 6. – С. 343-382.

Титаренко, С. Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вяч. Иванова / С. Д. Титаренко. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2012. – 654 с.

Топорков, А. Л. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор / А. Л. Топорков. – Москва: Индрик, 2012. – 496 с.

Топорков, А. Л. Отзвуки Данте в «Повести Светомире царевиче» Вяч. Иванова / А. Л. Топорков // Память литературного творчества. – Москва, ИМЛИ РАН, 2014. – С. 519-536.

Топорков, А. Л. Символика и функции сновидений в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова/ А. Л. Топорков // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – . 74. – № 4. – С. 17-34.

Штайнер, Р. Рихард Вагнер и новые поиски Грааля / Р. Штайнер; пер. с нем. С. Шнитцера. – Ереван: Лонгин, 2009. – 184 с.

Эвола, Ю. Традиция и Европа / Ю. Эвола. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. – 248 с.

Anitchkof, E. Joachim De Flore et les milieux courtois / E. Anitchkof. – Roma, Collezione meridionale, 1931. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_francuzskom_yazyke. (13.10.2016).

Bédier, J. *Le roman de Tristan et Iseut* / J. Bédier. – Paris, L'édition d'art, 1929. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_francuzskom_yazyke. (12.10.2016).

Evola, J. Teoria dell'individuo assoluto / J. Evola. – Torino, F.lli Bocca, 1927. – [Электронный ресурс]. – URL http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_italyanskom_yazyke. (13.10.2016).

Guénon, R. (Le) Symbolisme de la croix / R. Guénon. – Paris, Vége, 1931. – [Электронный ресурс]. – URL http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_francuzskom_yazyke. (14.10.2016).

Weingart, M. První česko-církevněslovanská legenda o svatém Václavu / M. Weingart. – Praha, Nákladem Vlastním, 1934. – [Электронный ресурс]. – URL http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_drugih_yazykah. (13.10.2016).